

Мемнон

О ГЕРАКЛЕЕ

(ΠΕΡΙ ΗΡΑΚΛΕΙΑΣ)

Перевод и комментарий В. П. Дзагуровой

Прочтено историческое сочинение Мемнона от IX¹ книги до XVI. История же эта имеет целью описать все, что происходило в Понтийской Гераклеей, перечисляя бывших в ней тираннами и деяния их и нравы и других [т. е. их?] жизнь и конец, который они претерпели, и все, что примыкает к сказанному².

ИЗ IX и X КНИГИ

I. И так, Мемнон пишет, что Клеарх первый в этом городе прибегнул к тирании³. Он говорит, кроме того, что он не только обладал философским образованием, но и был одним из слушателей Платона и четыре года слушал ретора Исократ⁴; в то же время известно, что по отношению к подданным он больше, чем кто-либо другой, проявил себя жестоким и преступным, а также впадал в крайнее хвастовство, например, даже назвал себя сыном Дия и, не довольствуясь естественным цветом лица, разукрашивался различными способами до блеска и появлялся таким образом перед видящими его; и одежды он часто сменял для внушения страха⁵. (2) И не только в этом, говорит Мемнон, он был дурным. Ведь Клеарх был неблагодарен и по отношению к тем, кто сделал ему добро, проявлял насилие по отношению ко всем и был решителен в недостойных делах. Известно также, что Клеарх был очень энергичен в убийствах тех, кого хотел убить, и не только в отношении соотечественников, но и в тех случаях, когда он замыслил что-нибудь враждебное в отношении

¹ Рукопись A: V.

² История Мемнона сохранилась в извлечениях Фотия, который предпосылает им это введение. Отрывки, определенно не принадлежащие Мемнону, выделены разрядкой. Курсивом даны слова, дополняемые в переводе для связи.

³ Тирания в Гераклее Понтийской была установлена Клеархом в 363 г. до н. э. См. D i o d., XV, 81, 4. Есть основания сомневаться в том, что Клеарх действительно был первым тираном в Гераклее: С в и д а (s. v. Κλέαρχος) упоминает имя древнего гераклеейского тирана Эвопия, тирания которого предположительно имела место в первой половине V в.

⁴ Ср. S u i d., s. v. Κλέαρχος.

⁵ Ср. S u i d., там же; I u s t., XVI, 5.

иноплеменников¹. Известно, однако, что Клеарх собрал библпотеку, превзошедшую библиотеки других, кого прославила тиранния. (3) Ему, гово- рит Мемнон, удавалось избегать многих заговоров, часто составлявшихся против него из-за его преступности, человеконенавистничества в наглости, однако в конце концов он получил смертельный удар от Хиона, сына Матрия, мужа, великого духом и состоявшего с ним в кровном родстве. Леонта и Эвксенона, а также многих других, составивших заговор, и скончался от раны мучительной смертью. (4) Ведь тиранн обычно совершал общественные жертвоприношения; сторонники Хиона, считая этот момент подходящим для убийства, рукой Хиона направили меч на общего врага. Среди жестоких мучений, утрашенный многочисленными призраками тех, кого он сам преступно убил, он умер на второй день после ранения, прожив 58 лет, из которых двенадцать он был тиранном³. (5) У персов тогда правил Артаксеркс, а затем Ох, который унаследовал власть отца; при жизни Клеарх часто отправлял к ним послов⁴. Что же касается тех, которые убили тиранна, то, за исключением немногих, все пали; одни, проявив благородное мужество, были перебиты телохранителями в самый момент покушения, другие же, схваченные впоследствии и стойко перенеся тяжелые пытки, также погибли⁵.

II. Брат тиранна Сатир, оставленный опекуном его сыновей Тимофея и Дионисия, принимает власть⁶; он превзошел жестокостью не только Клеарха, но и всех тираннов. Сатир наказал не только тех, кто был в заговоре против его брата, но не меньше мучил и их детей, совершенно непричастных к происшедшему, и от многих невинных потребовал расплаты за злодеяние. (2) Мемнон говорит, что Сатир был чужд знания философии и совершенно не искусен в отношении тех знаний, которые должны быть

¹ О жестокостях Клеарха см. I u s t., XVI, 5; ср. T h e o p., фр. 181; P o l y b., XXXIX, 2, 1—3. Тиранния Клеарха, а впоследствии и его сыновей (см. ниже), носила ярко выраженный социальный характер. Источники позволяют признать совершенно определенную антиаристократическую направленность внутренней политики этих тираннов и, напротив, их заботу об интересах демоса, бывшего социальной базой тираннии. См. I u s t., XVI, 4; M e m n., 3.

² Об убийстве Клеарха см. D i o d., XVI, 36, 3; I u s t., XVI, 5. Источники представляют две версии. По одной (Мемнон, Диодор) Клеарх был убит во время торжественного праздника, что позволяет предполагать расчет заговорщиков на поддержку демоса. Другая версия у Юстина — тиранн был убит в своем дворце. Следует отдать предпочтение первой версии, поскольку она имеется у Мемнона, опиравшегося в данном случае на Теопомпа и, конечно, использовавшего местные источники (см. «Введение»).

³ 363—352 гг. до н. э.

⁴ Основное внимание Клеарха было обращено на внутреннюю политику, так как ему важно было упрочить тираннию. Много времени и сил должна была отнять у Клеарха борьба с аристократией, поскольку последняя не могла примириться с потерей своих преимуществ и не раз пыталась свергнуть тиранна (I u s t., XVI, 5; Мемнон также говорит, что не раз составлялись заговоры против тиранна). Учитывая это, следует отнестись с подозрением к рассказу П о л и е н а (II, 30) об имевшем якобы место походе Клеарха против фракийцев (?) в районе города Астака, совершенном с целью истребления большого числа гераклейских граждан (был произведен призыв граждан в возрасте от 17 до 65 лет). Это не вяжется с социальной направленностью тираннии, а также с реальными возможностями Гераклеи в данный период: владея лишь небольшой областью в непосредственной близости к городу, когда еще не все туземцы-маряндины были под ее властью (это дело будущего — см. ниже, стр. 285, прим. 4; стр. 287, прим. 1), Гераклея не могла ставить перед собой столь далеких задач. Рассказ Полиена основан скорее всего на каком-либо местном документе, представлявшем собой памфлет, написанный кем-либо из аристократов-эмигрантов; Клеарх, как явствует из Мемнона, придерживался дружественных отношений с персами, а это ему было особенно необходимо, если учесть рассказ Ю с т и н а (XVI, 4) о его конфликте с Митридатом (об отношениях с Митридатом см. также S u i d., там же).

⁵ См. также I u s t., XVI, 5.

⁶ См. I u s t., XVI, 5.

присущи всякому свободному. Имея ум острый лишь в совершении преступлений, он не желал научиться чему-либо человеколюбивому или кроткому и был неспособен к этому от природы. Он был отвратителен во всех отношениях, хотя время и доводило его до пресыщения кровью соплеменников и преступлением; брата же он любил чрезвычайно. (3) Охраняя в нерушимости власть для детей брата, он настолько заботился об их интересах, что, живя с женой и сильно любя ее, не желал, однако, иметь детей, но всякими способами обрек себя на лишение потомства, чтобы не оставить совершенно никого, кто бы мог злоумышлять против детей брата. (4) Еще будучи жив, он, отягощенный старостью, вручает власть старшему из детей брата Тимофею, а сам немного спустя умирает, охваченный неизлечимой и тяжелой болезнью. Ибо рак, выросший между пахом и мошонкой, распространился в еще более тяжелой форме на значительное пространство внутрь; отсюда изливались истечения открывшейся плоти, издававшие тяжелый и трудно переносимый запах, так что ни челядь, ни врачи не могли более переносить непреодолимого зловония гниющей плоти. Постоянные же и пронзительные боли истязали все тело; из-за них он лишился сна и был отдан в жертву страшным судорогам, пока дошедшая до самых внутренних областей распространения болезни не оторвала его от жизни. (5) Умирая, он, подобно Клеарху, дал убедиться видевшим это, что по справедливости спрашивается с тех, которые жестоко и противозаконно обращались с гражданами. Говорят, что он во время болезни часто и напрасно молил смерть прийти к нему; но, много дней сряду истощаемый жестокой и тяжелой болезнью, таким образом выплатил долг. Он прожил шестьдесят пять лет, из которых тирания занимает 7¹. В это время у лакедемонян царствовал Агесилай.

III. Взявши власть, Тимофей² так изменил ее в сторону смягчения и демократизации, что благодаря своим делам стал называться не тираном, но благодетелем и спасителем. Ведь он из своих средств оплатил ростовщикам задолженность, а нуждающимся предоставил беспроцентную денежную помощь для ведения торговли и других дел и из тюрем отпустил не только невиновных, но и тех, на ком была вина. Тимофей был судьей строгим, но вместе с тем человеколюбивым и хорошим человеком во всем остальном и, в частности, никому не внушал подозрения своими мыслями³. Обладая такими качествами характера, он отечески любил своего брата Дионисия и, в частности, сразу сделал его соучастником власти и назначил наследником. (2) Тимофей, как свойственно мужчине, увлекался военным делом. Он был велик духом и благороден телом и душой, а также справедлив в разрешении тяжб и не лишен снисходительности; он был проникновен в дознании дел, опытен в исследовании запутанных обстоятельств, сострадателен и добр по нраву, суров в опасности, в обычной же жизни человеколюбив и мягок. Поэтому, пока он был жив, он был страшен для врагов⁴, и все устрашались, когда он гневался на них, в отношении же подданных он был и мягок и кроток. Вследствие этого, скон-

¹ 352—345 гг. до н. э.

² Д и о д о р (XVI, 36, 3), говоря о том, что Тимофей правил 15 лет, относит сюда и 7-летнее правление Сатира, поскольку тот выступал лишь в роли опекуна (см. М е т п., 2). Тимофей правил с 345 до 337 г., в последние годы совместно со своим братом Дионисием. Известны монеты с именами Тимофея и Дионисия (W a d d i n g t o n, *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure*. I, 2, Paris, 1908).

³ В отличие от Клеарха. Следует, однако, заметить, что Тимофей, произведя погашение долгов из своих средств и способствуя развитию торговли, действовал, видимо, в соответствии с программой внутренней политики, разработанной Клеархом, который именно благодаря подобным мероприятиям упрочил свою власть и сделал тиранию наследственной.

⁴ Тимофей, повидимому, совершал походы на мариавдинов с целью их покорения.

чавшись, он оставил по себе великую скорбь, и поднялся плач, равный скорби. (3) Брат его Дионисий с большим великолепием сжигает его тело и воздает ему честь слезами своих очей и *исходящими* из глубины души стенаниями. Он устраивает и конные состязания, и не только конные, но и сценические, а также *состязания* в пении и гимнастические; одни он *устраивает* сейчас же, другие же и *еще* более блестящие — впоследствии.

Это описывают, если изложить *бегло их содержание*, IX и X книги истории Мемнона.

ИЗ XI и XII КНИГИ

IV. Принявши державу, Дионисий увеличил ее¹. Александр в битве при Гранике разбил персов и предоставил *всем* желающим возможность увеличить свои владения, *так как* сила персов, стоявшая до того *всем* поперек *пути*, была сокрушена. Впоследствии он [Дионисий] перенес различные превратности, больше *же* всего, когда гераклейские пагнанники отправили к Александру, уже явно завладевшему Азией, послов и домогались возвращения *домой* и восстановления *в их* полисе свойственной *их* предкам демократии. Из-за этого он [Дионисий] был *уже* близок к тому, чтобы лишиться власти; и он потерял бы ее, если бы не избежал угрожавших ему войн благодаря большому благоразумию, сообразительности, благосклонности подданных и услугам, *оказанным* Клеопатре. Он *сумел* сделать это, отчасти успокоившись и смятив гнев, отчасти же и приготовившись со своей стороны к отпору. (2) Когда Александр окончил жизнь в Вавилоне, то ли от *насильственной* смерти, то ли от болезни, Дионисий, услышав весть *об этом*, поставил статую Эвтимии² и при первом слове известия *так сильно* взволновался от большой радости, как волнуются при сильной скорби. Ведь он был *даже* близок к тому, чтобы впасть в *безумие*, и казался лишившимся рассудка. (3) Когда во главе всего стал Пердикка, изгнанники из Гераклеи стали и его побуждать к тому же³. Пользуясь теми же *прежними* средствами и находясь в критическом положении, Дионисий избежал всех многочисленных ополчившихся на него опасностей. Пердикка, *который* вел себя постыдно, погиб от руки подданных, и надежды изгнанников рухнули вместе с ним. Для Дионисия же дела во всех отношениях переменялись к лучшему. (4) Наибольшее значение в *этом* благополучии имел его второй брак. Ведь он женился на Амастрии. Она была дочерью Оксатра, который был братом Дария. Разбив Дария, Александр женился на его дочери Статире. Таким образом, эти женщины были двоюродными сестрами. Они были связаны необыкновенной дружбой, *так как* получили вместе воспитание и вместе жили. (5) Александр отдает эту Амастрию в жены Кратеру, который был любимейшим из его приближенных. Когда же Александр умер, а Кратер проявил склонность к дочери Антипатра Филе, Амастрия становится женой Дионисия, с согласия покинувшего ее Кратера. (6) С этого времени держава Дионисия сильно увеличилась, как благодаря полученному приданому, так и *благодаря* его собственному благоразумию. Затем Дионисию пришлось в голову скупить все достояние того Дионисия, который был тиранном в Сицилии, *после того*, как была уничтожена его власть⁴.

¹ Дионисий правил с 337 по 305 гг. до н. э. См. D i o d., XVI, 88,5.

² Радости.

³ Т. е. к уничтожению тирании в Гераклее.

⁴ Еще Клеарх стремился подражать действиям Дионисия Сиракузского. См. D i o d., XV, 81, 4, а также указания источников о том, что в Сиракузах Дионисий, а в Гераклее Клеарх (I u s t., XVI, 5) провели аналогичное мероприятие: женам и

(7) Не только это укрепляло его власть, но *также* и деятельное расположение подданных и многих, кто раньше не был *под его властью*¹. Дионисий блестяще сражался *вместе* с Антигоном, владевшим Азией, когда тот осаждал Кипр; он стремился как бы в вознаграждение за *свое* рвение устроить через Антигона брак *своей* дочери с его племянником Птоломеем (последний же был стратегом областей, расположенных у Геллеспонта); это была дочь Дионисия от первого брака. Достигнув, таким образом, большой славы и считая недостойным *носить имя* тиранна, он вместо *этого* принял имя царя. (8) Освободившись от страхов и забот и живя в постоянных наслаждениях, он растолстел и стал противоположенно тучным. Из-за этого он не только стал легкомысленным в *отношении* управления, но и, когда засыпал, просыпался от тяжелого сна лишь покалываемый длинными острьями (это *средство* стало единственным лекарством от сонливости и отупения)². (9) От Амастрии у Дионисия было трое детей — Клеарх, Оксатр и дочь, названная по имени матери. Будучи близок к смерти, он оставляет Амастрию госпожой всего *государства* и вместе с некоторыми другими опекуней детей, которые были в нежном *возрасте*; он умер, прожив 55 лет, из которых у власти был 30. Как говорят, в правлении он был снисходительным и получил за *свой* нрав прозвище Хреста. Своею смертью он вызвал у народа сильное горе и плач. (10) После его ухода от людей *дела* города шли ничуть не хуже, *так как* Антигон ревностно заботился и о детях Дионисия и о гражданах его государства. Когда же он обратился к другим *делам*, Лисимах стал заботиться и о *делах* Гераклеи и о детях Дионисия. Он женился на Амастрии³ и вначале сильно ее полюбил, но *когда* у него появились другие дела, он оставил ее в Гераклее, сам же занялся неотложными делами. Вскоре, однако, преодолев многие трудности, он пригласил ее в Сарды и любил попрежнему. Впоследствии Лисимах полюбил дочь Птолемея Филадельфа (имя же *ей* было Арсиноя) и доставил Амастрии повод для развода с ним, а также *к тому, чтобы*, оставив его, занять Гераклею. Возвратившись, она основала и населила город Амастрию⁴.

V. Клеарх же, уже взмужавши, управлял городом и испытывал *свои* силы во многих войнах, то выступая в союзе с кем-нибудь, то *сам* подвергаясь нападениям. Сражаясь в войнах против гетов *заодно* с Лисимахом, он с ним *вместе* попал в плен, а *когда* тот освобожден из плена, и сам он позже был отпущен благодаря заботе Лисимаха⁵. (2) Оказавшись наслед-

дочерям изгнанных аристократов под страхом смерти приказано было вступить в брак с их бывшими рабами, которые были освобождены тираннами. Приобретая имущество Дионисия Сиракузского, гераклеийский Дионисий, таким образом, выполнил заветное желание своего отца. Этот же факт позволяет судить о наличии связей Понтийской Гераклеи с отдаленными Сиракузами.

¹ Прямых указаний на результаты походов Тимофея и Дионисия нет. Однако именно в их правление Гераклея приобрела ряд областей как к западу, так и к востоку от города. Она стала владеть островом Тинидой (P s.-S с у l., 92; A n., PPE, 5). Это, конечно, позволяло гераклеотам заниматься каперством, о чем, например, сообщает афицкая надпись (SIG³ I, 304), засвидетельствовавшая захват гераклеотами нескольких кораблей с хлебом, пледших с северного побережья Понта в Пирей. В то же время гераклеоты овладели городом Киером (впоследствии Прусиада на Гипии, теперь Ушкуб), а в восточном направлении распространили свое влияние по берегу Пафлагонии. Так, им подчинился город Тиос.

² В этом месте Мемнон пересказывает Н и м ф и д а (фр. 16, FHG, III, 15), который, начиная с данной главы, становится его источником.

³ Разумеется, жене, а не дочери Дионисия. После смерти Дионисия она управляла городом (D i o d., XX, 109).

⁴ Около 300 г. до н. э. Факт этот является доказательством силы гераклеийского влияния на берег к востоку от города. Его можно расценивать также как социальную меру, направленную на освобождение города от наиболее мятежных элементов.

⁵ Имеется в виду поход Лисимаха на гетов в 294 г. до н. э.

никами власти, Клеарх и его брат в отношении подданных по кротости и добродетели оказались несравненно хуже своего отца, они погрязли в противозаконных и мерзких делах. Ведь они устроили так, что их мать, ничем особенно перед ними не провинившаяся, вступив на корабль, в результате их исключительного и злодейского вероломства утонула в море.

VI. По этой причине и Лисимах, часто уже упоминавшийся (он царствовал в Македонии), хотя и сделал так, что благодаря браку с Арсиноей он оставил Амастрию, но в то же время, нося в себе огонь прежней страсти и считая, что мерзость и жестокость этого поступка невыносимы, самым тщательным образом затаил возникший у него в душе замысел, с виду же показывал сторонникам Клеарха прежнюю дружбу. Благодаря многим уловкам и умению хитро скрывать свои замыслы (говорят, что в этом отношении он был способнейшим из людей) Лисимах оказывается в Гераклею как будто ради блага принимавших его. Изобразив перед свитой Клеарха отцовскую любовь, он убивает матереубийцу, сначала Клеарха, а потом Оксатра, но справедливости воздав им за преступление против матери. Лисимах взял город под свою опеку, захватив в качестве добычи большие богатства, которые собрала власть тираннов, и, дав гражданам возможность управляться демократически, чего те добивались, отправился в собственное царство¹.

VII. Возвратившись к себе, Лисимах прославлял Амастрию. Он удивлялся и ее характеру и ее державе, тому, как укрепились ее могущество, величие и силы. Превознося Гераклею, он относил часть похвал к городам Тиосу и Амастрии, которую та основала под своим именем. (2) Этими речами он побуждал Арсиною стать госпожой восхваляемых городов. И она домогалась получить то, что желала. Но Лисимах, возвеличивая дар, сначала не соглашался; со временем же, склоняемый просьбами, уступил. Ведь Арсиноя была весьма способна обойти кого угодно, а старость уже сделала Лисимаха уступчивым. (3) Итак, получив власть над Гераклеей, Арсиноя посылает в Гераклею преданного ей кимейца Гераклида, впрочем, умного, весьма опытного в подаче советов и острого мужа. Тот же, как только достиг Гераклеи, стал очень внимательно вести дела и, обвиняя многих из граждан, не меньшее количество подвергал наказаниям, так что он опять лишил их только что начавшегося счастья.

VIII. Между тем Лисимах, следуя коварным планам Арсинои, по бесстыднейшему обвинению губит лучшего и старшего из своих сыновей — Агафокла (рожденного в первом браке), которого он сначала пытался умертвить тайным снадобьем, но тот предусмотрительно извергал его. Тогда, бросивши Агафокла в тюрьму, Лисимах приказывает его убить, ложно обвинив в заговоре против себя. Птолемей, который собственно исполнил это преступление, был братом Арсинои, за свою грубость и резкость он носил прозвище Керавн. (2) Убив сына, Лисимах по справедливости заслужил ненависть подданных, и Селевк, узнав это и так как было очень легко лишить Лисимаха власти, поскольку города отложились от него, напал на него. Лисимах гибнет во время войны, пронзенный копьем. Поразивший его муж был гераклеот, по имени Малакон, воевавший под командой Селевка. Когда же Лисимах пал, его держава, присоединенная к державе Селевка, стала ее частью². Здесь кончается XII книга истории Мемнона.

¹ 287 г. до н. э.

² 281 г. до н. э.

ИЗ XIII и XIV КНИГИ

IX. В XIII же книге он говорит, что гераклеоты, узнав о гибели Лисимаха и о том, что убивший его был гераклеот, собираются с духом и стараются показать себя доблестными в стремлении к свободе, которой они были лишены в течение 84 лет собственными тираннами, а после них Лисимахом. (2) Прежде всего они пришли к Гераклиду, убеждая его уйти из города и заверяя, что он не только останется невредим, но и получит обильные припасы в дорогу за то, что они смогут возвратить себе свободу. (3) Когда же они увидели, что он не только не внял их речам, но разгневался и захотел подвергнуть некоторых из них наказанию, граждане составили с фрурархами статьи, которые давали им исополитию и право получать плату, которой они были лишены (συνθήκας θέμενοι προς τοὺς φρουράρχους εἰ πολῖται αἱ τὴν τε ἰσοπολιτείαν αὐτοῖς ἔνεμον καὶ τοὺς μισθοὺς λαβεῖν ὧν ἐστέρηοντο). Они захватили Гераклида и некоторое время держали его под стражей. Теперь, получив полную безопасность, гераклеоты до основания разрушили стены акрополя и отправили послов к Селевку, сделав эпимелетом города Фокрита.

X. Зипойт, правитель вифинов, враждя с гераклеотами сперва из-за Лисимаха, а потом из-за Селевка (с каждым из обоих он был в ссоре), совершил на них набег, причинивши гражданам ряд бедствий.

XI. В это же время Селевк посылает Афродисия диоикетом в города, расположенные во Фригии и прилегающие к Понту. Тот, сделав, что хотел, и возвратясь, отозвался с похвалой о других городах, гераклеотов же обвинил, что они не расположены в пользу Селевка. Разгневанный этим Селевк поносил грозными речами пришедших к нему гераклейских послов и устрашал их. Однако один из послов — Хамайлеонт, ничуть не испугавшись угроз, сказал: «Селевк, Геракл¹ сильнее (κάρρων)» (κάρρων же значит у дорян «сильнейший»). Однако Селевк не понял этой речи, так как был в гневе, и отвернулся. Послам же казалось, что им не суждено ни возвратиться домой, ни получить там награды за труды. (2) Узнав об этом, гераклеоты принялись и в остальном готовиться к войне и, в частности, собирали союзников, отправив послов к Митридату, царю Понта², к византийцам и халкедонцам. (3) Что же касается оставшихся в живых изгнанников из Гераклеи, то, когда Нимфид — а он был одним из них — посоветовал им вернуться и доказал, что это будет легко, если они не покажут себя желающими насильственно возвратить что-либо из того, что утеряли их предки, он легко убедил их. Когда возвращение совершилось тем способом, который он советовал, то и вернувшиеся и принявший их город пребывали в одинаковой радости и счастье. Ведь находившиеся в городе обращались с ними хорошо, и они не испытывали недостатка ни в чем, необходимом им для умеренного довольства. Таким образом, гераклеоты вернули себе древнюю знать и политику.

XII. Благодаря своим успехам против Лисимаха Селевк стремился перейти в Македонию, тоскуя по родине, откуда выступил в поход с Александром, и думая, будучи уже стар, провести там остаток жизни, Азию же поручить своему сыну Антиоху. (2) Когда владения Лисимаха оказались во власти Селевка, Птолемей Керавна сам предался ему. Он не был в пренебрежении как пленный, но удостоивался почести и заботы как сын царя и даже получил от Селевка обещание, что, когда умрет его отец, он отправит его в Египет, его отповское царство. (3) Таких он удостоился почестей; эти благодеяния, однако, не улучшали дурного человека. Замы-

¹ Геракл был покровителем Гераклен.

² Митридат III (302—266).

слив козни и напав на благодетеля, он убивает его и, вскочив на коня, бежит в Лисимахию. Там он возложил на себя диадему и с блестящей свитой отправился к войску, и те, которые прежде подчинялись Селевку, по необходимости приняли его и назвали царем.

XIII. Когда Антигон, сын Деметрия, узнал об этом, он попытался переправиться в Македонию с пехотой и флотом, спеша предупредить Птолемея. Птолемей же двинулся против него и со своей стороны выстроил войско, обладая кораблями Лисимаха. (2) Среди них были, между прочим, и присланные из Гераклеи — и гексеры, и пентеры, и невооруженные. Была и одна октера, называвшаяся леонтофорой и приводившая в изумление величиной и красотой. На ней в каждом ряду гребли по сто человек, так что на каждой стороне было по восьмисот человек, а на обеих — тысяча шестьсот. На палубе же находились тысяча двести воинов и двое кормчих. (3) Когда произошло столкновение, Птолемей одержал верх и обратил в бегство флот Антигона, причем мужественнее других сражались корабли, которые были из Гераклеиды; из самих гераклеидских кораблей первенство получила октера-леонтофора. Провела столь скверно морское сражение. Антигон отступил в Беотию. Птолемей же перешел в Македонию и упрочил свою власть.

XIV. Тотчас же вслед за тем, проявляя грубость своей природы, он женится на своей сестре Арсиное, как это свойственно египтянам, а детей, рожденных ею от Лисимаха, убивает. После этого он и ее изгнал из царства. Много противозаконного совершил он за два года. Когда часть галатов переселялась из-за голода со своей родины и они напали на Македонию и вступили с ним в бой, он окончил жизнь достойно своей жестокости, растерзанный галатами. Вель он был захвачен живым, когда слон, на котором он ехал, был ранен и сбросил его. Антигон же, сын Деметрия, разбитый некогда в морском сражении, после гибели Птолемея захватывает державу македонян.

XV. Сын Селевка Антиох благодаря многим войнам, хотя и с трудом и не полностью, но все же восстановил отцовское царство. Он отправляет стратега Патрокла с войском в область по сю сторону Тавра. Этот же выбирает себе в помощники Гермогена, родом аспендия, который намеревался в числе других городов напасть и на Гераклею. Но поскольку гераклеоты отправили к нему послов, он отступает от их страны и заключает договор о дружбе, а затем отправляется через Фригию в Вифинию. Застигнутый неожиданно вифинянами, он погиб со своим войском, обнаружив личное мужество в борьбе против врагов.

XVI. Так как Антиох решил вследствие этого выступить против вифинян, царь их Никомед отправляет в Гераклею послов, ища союза, и добивается успеха, пообещав отплатить им при подобных критических обстоятельствах¹. В это же время гераклеоты вернули себе Кнер, Тиос и Тинидскую землю, истративши на это много денег. Между тем Амастрию (ибо и она была утеряна вместе с другими городами) не удалось возвратить ни войной, ни деньгами, ни силой, так как владевший ею Эвмен предпочел передать ее Ариобарзану, сыну Митридата, даром, чем гераклеотам за деньги, вследствие неразумного гнева против них.

XVII. В то же самое время гераклеотам завяла война с Зипойтом Вифинном, который владел Типийской Фракией. В этой войне пали многие из гераклеотов, мужественно сражаясь. Зипойт, уже обладавший победой, после того как к гераклеотам подошли союзные силы, опозорил победу бегством. А те, которых только что одолевали, спокойно забрали и со-

¹ Никомед I (281—255). Сюда же следует отнести события, описанные у М е м н о н а, 18; гераклеоты послали Никомеду 13 триер.

жгли убитых, а затем, сделавшись господами всего, из-за чего шла война, и принеся кости погибших в город, торжественно похоронили их в склепе героев¹.

XVIII. В это же время начинается война между Антиохом, сыном Селевка, и Антигоном, сыном Деметрия. С обеих сторон были выставлены громадные войска, и шла она продолжительное время. С последним из названных *противников* в союзе был царь Вифинии Никомед, с Антиохом же многие другие. Еще не столкнувшись с Антигоном, Антиох предпринимает войну против Никомеда. Никомед отовсюду собирает силы. Отправив послов к гераклеотам для заключения союза, он берет себе у них в помощь тринадцать триер. И их и остальной флот он противопоставляет флоту Антиоха. В течение некоторого времени простояв друг против друга, ни тот, ни другой не начали битвы, но разошлись, *ничего* не совершив.

XIX. Когда галаты подошли к Византию и опустошили большую часть этой страны, ослабленные войной жители Византии посылают к союзникам, умоляя о помощи. И все, кто был в силах, доставили помощь. Доставили и жители Гераклеи четыре тысячи золотых (столько ведь просило посольство). (2) Немного спустя Никомед задумывает переправить через пролив на договорных условиях галатов, которые совершили нападение на область византийцев, многократно пытались переправиться в Азию и столько же раз терпели неудачи, не выдерживая отпора византийцев. Условия договора были следующие: Никомеду и его потомкам всегда быть дружески расположенными к варварам, а без воли Никомеда никто из них не должен вступать в союз с кем бы то ни было, кто пошлет к ним послов, но быть друзьями его друзьям и врагами его недругам; быть в союзе с византийцами, если в этом окажется необходимость, а также с тинийцами, гераклеотами, калхедонцами, киерянцами и некоторыми другими, которые управляют какими-либо народами. (3) На этих условиях Никомед переводит в Азию массу галатов. У тех у власти находились семьдесят числом наиболее знаменитых, а из этих самых избранными и главнейшими были Леоннорий и Лутурий². (4) Сначала считали, что этот переход галатов в Азию принесет зло ее жителям. Исход дела показал, что этому предприятию суждено было принести им пользу. Ибо в то время, как они старались уничтожить демократию в городах, варвары еще более усиливали ее, противостоя нападающим. (5) Никомед сперва вооружил варваров против вифинцев, в то время как союзниками его были и жители

¹ В главах 16—17 допущена значительная путаница: в 16-й главе сообщается, что гераклеоты благодаря союзу с Никомедом I возвратили себе с помощью денег города Киер и Тиос, ставшие добычей вифинцев при их царе Зипойте I. Глава 17 рассказывает о войне гераклеотов с Зипойтом Вифинцем, в результате которой они сделались господами «всего, из-за чего шла война». Таким образом, следует предположить, что в первом случае гераклеоты лишь номинально возвратили утерянные территории — Никомед I согласился на это, правда, не бескорыстно, так как он получил с гераклеотов деньги и они ему передали корабли, однако его уступчивость станет еще более понятной, если принять во внимание междоусобицу в Вифинии после смерти Зипойта I: брат Никомеда Зипойт овладел значительной территорией — Мемнон говорит, что под его властью была Тинийская Фракия, а это как раз восточная часть Вифинии. Обещая отдать гераклеотам города Киер и Тиос, а также Тинидскую землю, Никомед предоставил им, очевидно, самим достигнуть необходимого результата. Но, как известно (19), Никомед привлек для борьбы с братом галатов, и события главы 17-й поэтому надо поставить в связь с появлением галатов в Азии. Ведь, как будет показано ниже, гераклеоты и галаты по смыслу договора Никомеда с последними (19) должны были находиться в дружественных отношениях. Таким образом, возвращение указанных городов должно было произойти в 279—278 гг., когда с помощью своих союзников Никомед, наконец, справился с Зипойтом.

² Мемнон дает исключительно ценные и оригинальные сведения о галатах. Особенно важен приведенный им договор их с Никомедом.

Гераклеи. Он овладел страной и истребил *ее* жителей, а галаты разделили между собой остальную добычу. Пройдя обширную страну, они опять вернулись назад и из захваченной ими земли отрезали то, что называется теперь Галатией. Они разделили ее на три части, назвав жителей одной из этих частей трогмами, другой — толостобогиями, третьей же — тектосагами. Они построили города: трогмы — Анкиру, толостобогии — Табю, тектосаги — Писинунт.

XX. Никомед, достигши блестящего благополучия, воздвиг напротив Астака город, назвав его своим именем¹. Астак же основали выходцы из Мегар в начале 17-й олимпиады. Согласно оракулу, город был назван Астаком по имени некого Астака, человека знатного и благоразумного, родом из тех, кого в Фивах называли Спартами и Гегенами. Город часто подвергался набегам со стороны соседей и много воевал. Когда после мегарцев в него вывели колонию афиняне, город освободился от несчастий и пребывал в большой славе и силе. В то время у вифинов находился у власти Дидалс. (2) После его смерти правит Ботир, живший 75 лет. Ему наследует его сын Бас, который одолел Калу, стратега Александра, хотя тот был хорошо подготовлен к битве и подготовил то, что македоняне отказались от Вифинии. Жил он 71 год, из которых царствовал 50. (3) Его сын и наследник власти Зипойт прославился в войнах; одного из стратегов Лисимаха он убил, а другого далеко отогнал от родного царства. Побеждал он и самого Лисимаха и Антиоха, сына Селевка, царствовавшего над Азией и македонянами. Близ горы Липера он основывает город, названный по его имени. Прожил он семьдесят шесть лет, обладая властью из них сорок восемь. Он оставляет четырех детей. Ему наследует старший из детей Никомед, который был для своих братьев не братом, но палачом. Он также, конечно, укрепил царство вифинов, больше всего тем, что помог галатам переселиться в Азию. Как уже сказано, он построил город, носящий его имя².

XXI. Немного спустя вспыхнула война у византийцев с калатианами (это были колонисты гераклеотов) и истрианами из-за эмпория Тома, который находился по соседству с калатианами³. Калатианы замыслили утвердить здесь свою монополию. Итак, и те и другие послали к гераклеотам за помощью; те же не послали военной помощи ни той, ни другой стороне, но отправили к обеим сторонам посредников в целях примирения; однако их старания не привели тогда к желанному результату. Претерпев многое от врагов, жители Калатиды впоследствии пришли к миру, но после этого несчастья почти никогда уже не могли восстановить свои силы.

XXII. Очень скоро после этого царь вифинов Никомед, умирая, записывает наследниками детей от второй жены, так как сын, родившийся у него от первого брака, Зеил бежал к царю армениев, спасаясь от козней мачехи Этадзеты, дети которой еще были малы. Опекунами наследников он назначает Птолемея, Антиоха, демос византийцев, а также демос гераклеотов и кианов. (2) Между тем Зеил с войском, пополнивши его толостобогиями из галатов, приходит в отцовское царство. Стараясь спасти власть для малолетних детей царя, вифины выдают мать их замуж за брата Никомеда, а сами, взяв войско названных выше опекунов, защищаются от Зеила. После многих битв и перемен счастья обе стороны, наконец, пришли к миру. В этих сражениях гераклеоты отличались и достигли

¹ 264 г. до н. э. — Никомедия.

² Липь благодаря Мемнону устанавливается хронология правления вифинских царей.

³ Война происходила, как можно судить из данных Мемнона, в период между 264 и 255 гг. до н. э.

выгод по договорам. Поэтому галаты совершили набег на Гераклею до реки Каллета, как на враждебную страну, и, захватив большую добычу, вернулись домой¹.

XXIII. Когда Антиох воевал с византийцами, гераклеоты помогали им сорока триерами. Они достигли того, что война не пошла дальше угроз.

XXIV. Случилось так, что немного спустя ушел от людей Ариобарзан, оставив сына Митридата² и будучи во вражде с галатами. По этой причине они, презирая отрока, вредили его царству. Когда жители его оказывались в нужде, они получали помощь от жителей Гераклеи, посылавших хлеб в Амис, благодаря чему людям Митридата легко было прокормиться и преодолеть нужду³. Поэтому галаты снова послали войско на Гераклеотиду и совершали набеги на нее до тех пор, пока гераклеоты не отправили к ним послов. Главой посольства был историк Нимфид, который, удовлетворив войско варваров в целом суммой в пять тысяч золотых и вождей отдельно двумястами каждого, добился того, что они ушли из страны.

XXV. Птолемей, царь Египта, достигнув вершины благополучия, склонял блистательнейшими дарами города на свою сторону. И гераклеотам он послал пятьсот артаб пшеницы и построил у них на акрополе храм Геракла из проконнеского камня⁴.

(2) Дойдя до этого, писатель делает экскурс относительно державы римлян: откуда они пошли родом, каким образом заселили здешние места Италии, а также все, что произошло и было совершенно до основания Рима, упоминая и правивших им, и с кем они боролись в войнах, и установление царской власти, и переход от монархии к консулам, и как римляне были побеждены галатами и город едва не был взят, если бы Камилл, придя на помощь, не спас город; (3) и как Александру, перешедшему в Азию и написавшему им письмо, в котором он предлагал им или победить, если они могут властвовать, или подчиниться более могущественным, римляне послали золотой венок, весивший много талантов; и как они воевали против тарантинцев и Пирра, бывшего их союзником, и, кое-что претерпев, а кое в чем повредив врагам, тарантинцев покорили, а Пирра изгнали из пределов Италии; (4) и все, что было совершено римлянами против карфагенян и Ганнибала, и все успехи в войнах против иберов и других полководцев и Сципиона, и как последний, избранный иберами царем, не принял царской власти; и как, встретив сильное сопротивление, Ганнибал вынужден был бежать; и как римляне переправились за Ионий-

¹ Очевидно, Зеил (*Zēilas*) открыто не порвал с дружественной политикой Никомеда в отношении Гераклеи, но этот набег галатов, союзников Зеила, на последнюю нельзя не поставить в связь с тем, что гераклеоты выступили противниками Зеила в войне за вифинское наследство.

² Ариобарзан III (266—240) и Митридат IV (240—190).

³ Важное свидетельство обеспеченности Гераклеи своим хлебом и, с другой стороны, косвенное указание на существовавшие в этот период затруднения в подвозе хлеба из Северного Причерноморья, обычно снабжавшего Понт хлебом (по М е т н., 54, Синопа получала продовольствие из Веспора).

⁴ Птолемей III Эвергет (247—222). Его дар Гераклее стоит в связи с теми временными затруднениями, которые пришлось пережить городу после опустошения страны галатами. Отсутствие данных в источниках не позволяет уяснить развитие египетской политики в направлении южного берега Понта. Однако Д р о й з е н (История эллинизма, III, 133) считает реальными претензии Птолемея на это побережье и, в частности, на город Тиос (который, как он указывает, временно даже носил имя *Βερένικη*), поскольку Птолемей Филадельф был, как известно, женат на вдове Лисимаха Арсиное (после того как она была изгнана из Македонии Птолемеем Керавном, см. М е т н., 14).

ский залив; и как Персей, сын Филиппа, унаследовал царство македонян и, нарушив по молодости договоры, бывшие у римлян с его отцом, *вынужден* был воевать с ними, в результате чего Павел *воздвиг* за победу над ним трофей; и как *они*, победив в двух битвах Антиоха, царя Сирии, Коммагены и Иудеи, изгнали его из Европы. Это вот относительно Римской державы до сих пор излагает писатель.

XXVI. Вернувшись же к предмету повествования, он описывает, как гераклеоты, отправившиеся посольством к стратегам римлян, переправившимся в Азию, были хорошо приняты и получили письмо, которое послал Публий Эмилий и в котором он заверял их в дружественном отношении к ним сената, а также, что и востальных делах они не будут лишены ни опеки, ни заботы, когда им чего-либо понадобится. Впоследствии они отправляли посольство, чтобы подтвердить свою дружбу, о которой было соглашение, и к Корнелию Сципиону, который приобрел для римлян Ливию. (2) Затем снова отправляли к нему послов, стремясь расположить римлян к царю Антиоху; а к последнему написали псефисму, убеждая его прекратить вражду с римлянами. Отвечая гераклеотам, Корнелий Сципион пишет так: «Сципион, стратег-проконсул римлян, тебе и демосу гераклеотов — привет». В этом письме он подтвердил расположение к ним и сообщил, каким образом римляне выиграли битву с Антиохом. То же самое, что и Луций, ответил гераклеотам, приславшим послов, Публий Корнелий Сципион, брат его и стратег флота. (3) Немного спустя Антиох снова вступил в битву с римлянами и, будучи побежден силой, по договору прекратил вражду; этот договор отнял у него всю Азию, лишил его слонов и флота. У него во власти остались Коммагена и Иудея. (4) Подобным же образом город гераклеотов отправлял послов к высланным римлянами префектам названных выше стратегов и пользовался прежними благосклонностью и расположением. Наконец, возник договор между римлянами и гераклеотами, согласно которому они становились между собой не только друзьями, но и союзниками, против кого и за кого обе стороны сочтут нужным. Текст этого договора, совершенно одинаковый, написан на двух медных досках. Из них одна хранится у римлян в храме Дия на Капитолии, другая же — в Гераклее, опять-таки в храме Дия¹.

ИЗ XV КНИГИ

XXVII. Изложив это в XIII и XIV книгах истории, переходя к XV, писатель рассказывает, как царь вифинов Прусия, будучи чрезвычайно предприимчив и многое совершив, вместе с другими подчинил себе в результате войны и город Киер, принад-

¹ Вначале гераклеоты проявили дружественность в отношении Публия и Луция Сципионов, получив, в свою очередь, от них приветственные письма. Уже около 188 г. возник договор между Гераклеей и Римом; из слов Мемнона следует, что этим договором увенчались сношения, которые имели место между гераклеотами и префектами римских стратегов, т. е. Сципионов. Это связано и с успешными действиями римлян против галатов (экспедиция Вульсона), благодаря чему греки, страдавшие от набегов последних, увидели в лице римлян своих защитников. В дальнейшем договор этот не раз получал реальные подтверждения. Так, в 168 г. гераклеоты отправили римлянам, воевавшим с Персеем, две триеры (Liv., XI.11, 56); именно в ответ на это они и могли получить письмо от Эмилия Павла, бывшего тогда консулом. Наконец, во время войны между Пруссией II Вифинским (182—149) и Пергамом, когда Гераклея потерпела ущерб от действий вифинян, а римляне, пытаясь прекратить эту войну, отправляли в Малую Азию специальные посольства, римский легат Квинт Фабий Максим посетил и Гераклею и привез ее гражданам письмо, очевидно, от консула (154 г. до н. э.). См. SIG., II, 3800, а также P o l y b., XXXIII, 9; 13, 4—10.

лежавший гераклеотам, назвав его вместо Киера Прусиадой¹. Взял он и Тиос, также подвластный им, так что охватил Гераклею своими владениями от моря до моря. (2) Затем он крепко осадил и ее и многих из осажденных убил. Город был бы уже близок от того, чтобы быть взятым, если бы Пруссия не был ранен в голень камнем, брошенным кем-то из тех, кто находился на зубцах стен в то время, когда он взбирался по лестнице. Это несчастье заставило царя снять осаду. С трудом он возвратился домой, несомый, раненый, вифинами на носилках. После этого он прожил немного лет и окончил жизнь, будучи хромым на деле и называемый таковым².

XXVIII. Жившие близ Понта галаты в то время, когда римляне еще не переправились в Азию, имея желание овладеть выходом к морю, попытались сперва захватить Гераклею, считая, что это не составит для них труда; ведь она многое потеряла из своей прежней мощи и пришла в пренебрежение у своих соседей. Варвары напали на нее всеми своими силами, но она, озаботившись о союзниках, приготовилась, насколько позволял момент. (2) Итак она была осаждена. Шло время, и у галатов оказался недостаток в необходимом. Ведь муж-галат умеет вести войну лишь по настроению, а не с помощью необходимых приготовлений. Когда они [т. е. галаты] оставили свой лагерь для сбора продовольствия, те [т. е. гераклеоты] выбежали из города и, неожиданно напавши на лагерь, взяли его и многих убили. Они [т. е. гераклеоты] захватили без труда всех тех, которые разбрелись по стране в поисках продовольствия, так что даже третья часть галатского войска не вернулась в Галатию. На основании случившегося граждане возымели надежды возвратиться к прежнему счастью и славе.

XXIX. Гераклеоты оказали военную помощь римлянам против марсов, пилигнов и маррукинов (народы же эти живут за Ливией, рядом с Гадейрами) двумя триерами-катафрактами. И, завершив счастливо войну вместе с союзниками и удостоенные многих наград, эти триеры на одиннадцатый год возвратились в отечество³.

XXX. После этого началась тяжелая война с римлянами у Митридата, царя Понта, очевидной причиной которой было владение Каппадокией⁴. Митридат покорил ее, хитростью заманив и собственноручно убив своего племянника Арата после клятв жить с ним в мире. Мальчик же Арат был рожден Ариаратом от сестры Митридата. (2) Митридат с детства был кровожаднейшим из людей. Захватив власть тринадцатилетним, он вскоре, бросив в тюрьму свою мать, оставленную ему отцом соправительницей царства, убил ее насильем и продолжительностью заключения. Он убил также своего брата. Путем войны он подчинил себе царей вокруг Фасиса вплоть до областей за Кавказом и таким образом

¹ Прусиада на Типии, современный Ушкуб.

² Речь идет о Прусии I (235—182). В то время, как Stähelin (Geschichte des kleinasiatischen Galater, Lpz., 1907), E. Meyer (Die Grenzen der hellenistischen Staaten Kleinasiens, Lpz., 1925, и Rostowzew (ук. соч.) считают, что виновниками утери гераклеотами их владений, а именно городов Киера и Тиоса, был Пруссия I, A. Jones (The Cities of the Eastern Roman Provinces, Oxford, 1937) видит такового в Прусии II (182—149). С последним нельзя согласиться, так как во времени Прусии II Гераклея была в союзе с римлянами и те не допустили бы столь существенного ущемления интересов своего союзника. Вифинские цари могли безнаказанно развивать экспансию лишь до прихода римлян в Азию.

³ Одно из ярких свидетельств необычайно путаного представления Мемнона о римских делах, поскольку италийские народности марсов, пилигнов и маррускинов Мемнон помещает куда-то не то в Испанию, не то в Мавретанию. Речь идет, быть может, о Союзнической войне. Источником для Мемнона в данном случае могла послужить надпись в честь возвратившихся с успехом триер.

⁴ Ср. A p p., Mithr., 10. О Понтийском царстве см. Strabo, XII, 3, 1.

возвеличил *свою* власть и чрезвычайно возгордился¹. Благодаря этому римляне стали особенно подозрительно относиться к его замыслам и постановили, *чтобы* он возвратил царям скифов отцовские владения. (3) *Царь* скромно внимал приказаниям, а между тем привлек в союз и парфян, и медов, и Тиграна Армянского, и скифских царей, и иберского². Он сделал *так*, что возникли и другие причины войны. Находящийся в Риме сенат утвердил царем Вифинии Никомеда, сына Никомеда и Нисы, а Митридат противопоставил Никомеду Сократа, по прозвищу Хреста. Однако против воли Митридата возымело силу решение римлян³.

XXXI. Позднее в Римской республике вспыхнули раздоры между Суллой и Марием. Митридат передал стратегу Архелаю сорок тысяч пехоты и десять тысяч конницы, приказав *ему* предпринять поход против вифинов. Из завязавшегося сражения выходит победителем Архелай, а Никомед бежит с немногими *приближенными*. Митридат узнал об этом, и, *когда* к нему пришли союзные *войска*, он, двинувшись из равнины близ Амасии, пошел через Пафлагонию, ведя стопятидесятитысячное войско⁴. (2) Маний же, *когда* сражавшиеся под его командой солдаты Никомеда рассеялись при одном известии о Митридате, выступает с немногими римлянами против Менофана, стратега Митридата, и, разбитый, бежит, бросив все силы. (3) Вторгшись безнаказанно в Вифинию, Митридат без боя захватил города и страну. Из остальных городов Азии одни он захватил, другие *сами* перешли на сторону царя. И сразу произошло изменение обстановки. Только родийцы остались в дружбе с римлянами. Поэтому Митридат начинает против них войну на суше и на море. Однако родийцы обладали превосходством, так что в морском сражении Митридат сам *едва* не оказался взятым в плен⁵. После этого Митридат, поняв, что рассеянные по городам римляне служат помехой его замыслам, предписывает всем полисам, чтобы в один и тот же день были убиты все живущие там римляне. И многие, повиновавшиеся *ему*, совершили такое убийство, что в один и тот же день восемьдесят тысяч человек нашли гибель от меча⁶.

XXXII. *Когда* же Эретрия и Халкида, а затем и вся Эвбея церешли к Митридату⁷, *когда* присоединились к нему и другие города и даже лакедемоняне были побеждены, римляне отправили *против* него Суллу, послав с ним надежнейшее войско. Прибыв на место военных действий, он склонил часть городов к отпадению, а остальными овладел силой, обратив сражением в бегство немалое войско понтийцев⁸. Он взял и Афины, и город был бы разрушен до основания, если бы сенат римлян не задержал поспешно намерения Суллы. (2) После многократных схваток, в которых одерживали верх понтийцы, *после* того, как сменялись успехи сражавшихся, у царских войск оказалась нужда в продовольствии, потому что они

¹ Strabo, XI, 2, 17—19 (Theoph. Muth., фpp. 2—5, FHG, III, 314—315).

² App., Mithr., 13; 15.

³ App., Mithr., 10. По Мемнону, инициатором и виновником войны был Митридат. Таким образом, Мемнон расходится с Аппианом, возлагающим всю вину за возникновение войны на римлян, а именно, на римских полководцев, в частности, на Мания Аквиллия (Mithr., 17; 19). Аппиан подробно говорит о мирных устремлениях Митридата (Mithr., 11; 15), чего нет у гераклеота Мемнона. Возможно, что, в противоположность Аппиану, Мемнон пользовался источником римской ориентации.

⁴ Аппиан (Mithr., 17) дает преувеличенные цифры, а именно, Митридат будто бы вел 250 тыс. пехоты и 40 тыс. конницы. Reisch (Mithr. Eur., Lpz., 1895, стр. 125) принимает данные Мемнона; точно так же он придерживается данных последнего в отношении потерь Митридата и римлян в битве при Калхедоне в 73 г. (см. Мемн., 39). Ср. стр. 308, прим. 1.

⁵ App., Mithr., 24—27.

⁶ App., Mithr., 22—23; ср. Plut., Sylla, 24; Dio, фp. 244.

⁷ Dio, фp. 245.

⁸ App., Mithr., 31—45; Plut., Sylla, 11—14; Dio, фpp. 250—256.

беззаботно относились к этому и не умели правильно распределять продовольствие. Они впали бы в крайнюю нужду, если бы Таксилл не взял Амфиполя, вследствие чего Македония перешла к нему. Оттуда он доставил большое количество необходимого. (3) Соединив войска, он и Архелай имели войско в количестве более шестидесяти тысяч человек¹. Они расположили свой лагерь в Фокидской земле, выйдя навстречу Сулле. Тот же, соединившись с Луцием Гортенсием, ведшим из Италии свыше шести тысяч, всегда располагался лагерем на постоянном расстоянии от него². Когда воины Архелая неорганизованно отправились на сбор продовольствия, Сулла неожиданно атакует вражеский лагерь. Наиболее сильных из захваченных он тотчас убивает, а тех, со стороны которых он не боялся нападения, ставит вокруг этого места и приказывает зажечь огни, чтобы у возвращающихся с фуражировки не было никакого сомнения относительно совершившегося. И все произошло, как было определено; таким образом воины Суллы одержали блестящую победу³.

XXXIII. Митридат, обвинив хиосцев в том, что они являются союзниками родийцев, высылает против них Дорилая, который, хотя и с большим трудом, взял город⁴. Он разделил землю среди понтийцев, погрузил граждан на корабли и послал их в Понт⁵. (2) Гераклеоты же, поскольку они были в дружбе с хиосцами, напали на понтийские корабли, которые везли пленных, при прохождении их мимо их города. Корабли не оказали сопротивления (ведь у них было недостаточно сил), и те отвели их в свой город. Приняв хиосцев, они тогда щедро снабдили их всем необходимым и впоследствии возвратили на родину богато одаренных.

XXXIV. Между тем сенат отправляет на войну с Митридатом Флакк Валерия и Фимбрию, предписав им действовать в войне совместно с Суллой, если тот окажется в согласии с сенатом; если же нет, то с ним первым вступить в борьбу⁶. Тот же сначала прошел через различные несчастья (ведь он претерпел и голод и поражения в битвах), однако больше имел успех. Переправившись через пределы византийцев в Вифизию, а оттуда перейдя к Никею, он остановился на пути. Так же переправился и Фимбрия вместе со своими. (2) Флакк чувствовал досаду оттого, что Фимбрию, поскольку он командовал человеком, масса более любила, он ругал его и наиболее славных из его воинов. Двое из них, более других воспылав гневом, убили его⁷. Сенат из-за этого негодовал на Фимбрию. Однако, скрыв свое негодование, он хлопотал об избрании его в консулы. Тот же, став предводителем всех сил, одни из полисов привлекает на свою сторону с их согласия, другие же подчиняет силой. Сын Митридата, имея с собой Таксилла, Диофанта и Менандра, лучших стратегов, и ведя большое войско, кинулся навстречу Фимбрии⁸. (3) Вначале побеждали варвары. Фимбрия намеревался хитростью восполнить потери, понесенные в сражениях (вражеское войско имело превосходство в численности). Когда оба войска сражавшихся достигли какой-то реки, так что она оказалась посредине между ними, полководец римлян около рассвета, когда шел дождь, неожиданно переправился через поток и напал на врагов, объятых сном в палатках. Он перебил их прежде, чем они заметили

¹ P l u t., Sylla, 15.

² Там же.

³ Очевидно, эта стычка происходила до битвы при Херонее. См. P l u t., Sylla, 18—22; A p p., Mithr. 49—50; см. также R e i n., Mithr. Eur., 162—168.

⁴ S t r a b o, X, 4, 10; XII, 3, 35.

⁵ P o s i d., фр. 39, F H G, III, 265—266.

⁶ A p p., Mithr., 51; P l u t., Sylla, 20.

⁷ A p p., Mithr., 52; D i o, фр. 257; S t r a b o, XIII, 1, 27.

⁸ A p p., Mithr., 52—53.

нападение, и лишь немногие из офицеров и всадники избежали гибели. Среди них был также Митридат, сын Митридата, он спасается в Пергам к отцу Митридату вместе с теми, которые бежали с ним. Когда, таким образом, с царскими войсками произошло это ужасное и выдающееся несчастье, большинство из городов перешло на сторону римлян.

XXXV. Когда Марий вернулся из изгнания, Сулла боялся (поскольку он принадлежал к противной партии), как бы ему не пришлось поплатиться за насилие над ним подобным же изгнанием¹. Он отправил посольство к Митридату, предложив ему условия мира с римлянами. А тот, будучи доволен этими условиями и домогаясь встречи для заключения договора, сам охотно отправился в путь². (2) И когда оба достигли среднего пункта между своими силами, Дардан предоставляет им свое гостеприимство для ведения переговоров. Удалив спутников, они заключили соглашение. Условия были следующие: Митридат уступает римлянам Азию; вифины и Каппадокия должны управляться своими наследственными царями; за Митридатом закрепляется царство всего Понта. Он же должен выставить особо Сулле восемьдесят триер и выдать три тысячи талантов для возвращения его в Рим³; римляне же не должны причинить никакого вреда городам за то, что те отложились к Митридату⁴. (3) Однако это последнее произошло не по соглашению; ведь впоследствии римляне поработили многие из этих городов. Таким образом, Сулла с честью возвратился в Италию, и Марий тотчас покинул город. А Митридат возвратился домой и взял в свои руки многие из народов, которые отложились от него вследствие постигших его неудач.

XXXVI. Сенат отправляет военачальником Мурену⁵. Митридат шлет к нему послов, предъявляя ему договор с Суллой и одновременно прося его утвердить. Но тот не принял посольства (а ведь послы, будучи эллинами по происхождению и философами по образу жизни, больше порицали, чем одобряли Митридата) и двинулся против Митридата; он утвердил власть Ариобарзана над Каппадокией, а на подступах к царству Митридата основал город Экинею (Ἐκίνεια)⁶. (2) В этих обстоятельствах и Мурена и Митридат отправляют послов к гераклеотам, призывая их каждый в свою очередь к союзу против другого. Но, в то время, как им представлялась страшной сила римлян, они боялись и соседства Митридата. Поэтому они отвечают прибывшим к ним послам, что при стольких разразившихся войнах можно едва лишь сохранить свою землю, не то что помогать другим⁷. (3) Многие советовали Мурене двинуться к Синопе и повести войну за царскую резиденцию, так как если бы он взял ее, то легко овладел бы и остальным. Митридат, поручив ее значительному гарнизону, сам принялся за ведение войны. В первых стычках войска царя

¹ Слова недостаточное знание Мемноном римских дел:

² По А п п а н у (Mithr., 54) инициатива была у царя. Мемнон представляется более объективным, когда он подчеркивает стремление к миру у обеих сторон. Однако, уделив значительное внимание фимбрианцам, Мемнон не показал полностью их роли, безусловно определившей поспешность Суллы.

³ О Дардане см. S t r a b o, XIII, 1, 28. Об условиях договора — A p p., Mithr., 44—58; P l u t., Sylla, 22 (70 триер и 2000 талантов); D i o, фрр. 258—261.

⁴ Данная статья имеется только у Мемнона. М о м з е н (ИР, II, 1937, стр. 281) считает, что это условие «мало правдоподобно уже ввиду характера победителя и побежденного». Тем не менее этот пункт тесно увязан с городской политикой Митридата, который провозглашением подобной статьи надеялся, вероятно, гарантировать расположение к себе городов. Последние могли ему пригодиться в будущих столкновениях с римлянами.

⁵ Ср. A p p., Mithr., 64.

⁶ R e i n a s c h (Mithr. Eur., 298) предполагает, что название было Likinea по имени Мурены.

⁷ См. стр. 301, прим. 1.

побеждали. Затем успех в битвах стал почти равным, и, *наконец*, *воинственный пыл* врагов взаимно ослабел *под влиянием* битв. Поэтому Митридат отправился в *области* вокруг Фасиса и Кавказа, а Мурена отступил в Азию и каждый занялся своими *делами*¹.

XXXVII. Вскоре после этого Сулла умирает в Риме; сенат посылает в Вифинию Аврелия Котту, а в Азию Луция Лукулла с поручением вести войну с Митридатом². А Митридат готовил новое многочисленное войско. У него было 400 триер и большое число меньших кораблей — пентеконтер и керкур³. Дав войско Диофанту, сыну Митара, он посылает его в Каппадокию расставить по городам гарнизоны; если же Лукулл придет в Понт, встретить его и помешать дальнейшему его продвижению. (2) Сам же он вел с собой сто пятьдесят тысяч пешего войска, двенадцать тысяч конницы; у него имелось 120 серпоносных колесниц и не было недостатка во множестве всякого рода машин⁴. Царь быстро прошел через Тимонитскую Пафлагонию в Галатию и на девятый день достиг Вифинии⁵. Между тем Лукулл приказывает Котте пристать со всем флотом в гавани калхедонцев⁶.

XXXVIII. Флот Митридата проплывал мимо Гераклеи. Она его не приняла, но предоставила просимое продовольствие. Как это обычно бывает, когда встреча произошла, Архелай, стратег флота, захватил двух знатных мужей из Гераклеи — Силена и Сатира и не отпускал их до тех пор, пока не убедил помочь ему в войне с римлянами пятью триерами. (2) И когда это было исполнено, гераклеийский народ (как и замыслил Архелай) приобрел себе вражду римлян. Когда в других городах были учреждены римлянами откупа, по указанной выше причине и Гераклея подверглась общей участи. (3) В город пришли откупщики и против обычая политики стали требовать денег, чем повергли граждан в уныние, так как те сочли, что это — начало рабства. Последние, отправивши посольство к сенату с требованием отмены откупов, по призыву кого-то из храбрейших в городе тайно напали на откупщиков, так что об их гибели никто не узнал⁷.

XXXIX⁸. В то время как у города Калхедона произошла морская битва между римлянами и понтийцами, сошлись на битву друг с другом и сухопутные силы царские и римские (одними командовал Котта, другими — Митридат). В этом сражении бастерны обращают в бегство пехоту италов и учиняют великую резню среди них. (2) Так же случилось и во флоте, и, таким образом, в один день и земля и море были опозорены трупами римлян. В морском сражении их пало восемь тысяч, четыре тысячи пятьсот были взяты в плен; из пешего войска италов пало пять тысяч триста. Из Митридатовых воинов пало около тридцати бастернов, а из остальной массы — семьсот человек⁹. (3) Так Митридатова удача поработила дух всех. Но Лукулл, расположившийся лагерем у реки Сангария, узнав о несчастье, поднимал речами павших духом воинов.

¹ App., Mithr., 64—66.

² Plut., Luc., 7.

³ Легкие кипрские корабли.

⁴ О силах царя см. App., Mithr., 70; Dio, XXXV, 1; Strabo, XIII, 3, 41.

⁵ App., Mithr., 71.

⁶ Plut., Luc., 8; Strabo, XIII, 4, 2.

⁷ Порядок событий у Мемнона, повидимому, искажен; Архелай, видимо, провел в жизнь свой план, зная уже об актах враждебности гераклеотов по отношению к римлянам, так как гераклеоты могли отправить посольство в Рим с какими-либо просьбами, конечно, до того, как их народ «приобрел себе вражду римлян». Кроме того, см. стр. 301, прим. 1.

⁸ 73 г., дол. э., весна.

⁹ Plut., Luc., 46—47; App., Mithr., 71; см. также стр. 296, прим. 4.

XL¹. Когда же Митридат обратил свои гордые помыслы на Кизик и решил осадить город, Лукулл, преследуя его и завязав бой, побеждает в битве понтийцев, очень скоро более десяти тысяч их были убиты, а тридцать тысяч взяты в плен². Войско фимбрианцев, находясь под подозрением, поскольку командиры из-за их поступка в отношении Флакка до сих пор не доверяли им, тайно послало к Митридату с обещанием перейти на его сторону³. (2) Последний, восхищенный неожиданной удачей, как только спустилась ночь, посылает к ним Архелая, чтобы тот утвердил условия перехода и привел перебежчиков. Но когда Архелай пришел к ним, фимбрианцы захватили его, а тех, кто был с ним, убили. (3) В дополнение к этому несчастью царя его войско поражает голод и многие гибнут⁴. Претерпевая, кроме того, многочисленные несчастья, царь между тем не прекращал осады Кизика; однако вскоре, многое испытав и совершив, он отошел, оставив город невзятым. Поставив во главе пехоты Гермей и Мария, которые имели более тридцати тысяч войска, он сам решил возвратиться домой морем⁵. (4) Однако при посадке его на триеры произошло множество различных неприятностей. Желающие сесть на них привешивались к ним, а из кораблей одни уже были переполнены, другие же должны были вот-вот наполниться. Из-за множества людей одни корабли затонули, а другие перевернулись. (5) Заметив это, кизикцы устремились на лагерь понтийцев и убили оставленных там больных, а помимо того, разграбили все, что было оставлено в лагере. Лукулл же, преследуя до реки Айсепа пехоту, неожиданно нападает на нее и производит большое кровопролитие среди врагов⁶. Оправившись, насколько это было возможно, Митридат осадил Пейринф, но, претерпев неудачу и здесь, переправился в Вирфанию.

XLI. После того, как пришел Барба, приведя значительное количество италиков, а сверх того, и Триарий, полководец римлян, передвинувшись, осадил Апамею, апамейцы, насколько могли, сопротивлялись, но напоследок, открыв ворота, впустили осаждавших⁷. Войско римлян взяло также город Прусу. Он расположен у подножья Азиатского Олимпа. (2) Оттуда Триарий переходит с войском в приморскую Прусиаду. Она в древности называлась Кьером⁸. Говорят, что сюда приставал «Арго», здесь произошли исчезновение Гипла и блуждания Геракла в поисках его и многое другое такого же рода. Прусийцы легко приняли подошедшего, изгнав понтийцев. (3) Оттуда он переходит в Никею, охраняемую митридатовым гарнизоном. Понимая, что жители Никеи склоняются в сторону римлян, понтийцы ночью ушли к Митридату в Никомедию, и римляне без труда овладели городом (4). Сам же город Никея ведет свое название от наяды-нимфы, имевшей имя Никея⁹. Город основали никейцы, воевавшие вместе с Александром и после его смерти в поисках отечества заложившие и населившие его. Рассказывают, что наяда Никея произошла от правившего в этой местности Сангария и Кибелы. Стремясь более к девственности, чем к браку, она проводила жизнь в горах на охоте. (5) Ее полюбил, но безуспешно, Дионис. Испытав неудачу, тот попытался испол-

¹ 73—72 гг. до н. э.

² Strabo, XII, 8, 11; App., Mithr., 73—76.

³ Plut., Luc., 9.

⁴ App., Mithr., 76.

⁵ Там же; Марк Марий, посол Сертория.

⁶ О реке Айсеп см. Strabo, XIII, 1, 10; App., Mithr., 76.

⁷ App., Mithr., 77; об Апаmee — Strabo, XII, 8, 5—16.

⁸ App., Mithr., 77; Мемнон путает Прусиаду на море с Прусиадой на Гипии (Кьер). См. также Мемнон, 47, где говорится о взятии Коттой Прусиады-Кьера.

⁹ Strabo, XII, 4, 7.

нить свое желание с помощью хитрости. Итак, тот источник, из которого Никея привыкла пить, когда бывала утомлена охотой, он наполняет вместо воды вином. Та же, ничего не подозревая и напившись, как обычно, насыщается коварной жидкостью и покоряется, хотя и невольно, желаниям влюбленного. Когда она, опьянев, уснула, Дионис соединяется с ней. Он имел от нее детей — Сатира и других. (6) Никейцы, которые основали и заселили город, имели родиной Никею, соседнюю с Фокидой. Так как они часто враждовали с последней из-за этого самого города, они позднее лишились отечества, так как жители Фокиды приложили много стараний к тому, чтобы разрушить и уничтожить его. Так вот Никея была названа и построена и присоединилась к римлянам.

XLII. Митридат находился в Никомедии. Котта, желая вернуть что-нибудь из ранее утерянного, перешел от Халкедона, где он потерпел поражение, к Никомедии и расположился лагерем в 150 стадиях от города, готовясь к решительному сражению. Триарий по собственной воле с большой поспешностью следует за Коттой, и, когда Митридат заперся в городе, римское войско стало готовиться осадить его с обеих сторон. (2) Когда же царь узнал, что в двух морских сражениях, одном у Тенедоса, другом — в Эгейском море, понтийцы оказались разбитыми Лукуллом, он счел, что не в состоянии бороться с настоящими силами римлян, и отплыл с флотом в Понт. Застигнутый суровой зимой, он теряет некоторые триеры, а сам с большинством кораблей удалился к реке Гипию. (3) Здесь царь перезимовал и узнал, что Ламах гераклеот, с которым он был связан старинной дружбой, правит государством. Многими обещаниями он привлек его, чтобы тот приготовил ему прием в городе; посылал он и деньги. (4) Тот исполнил просьбу царя и, приготовив за городом роскошное пиршество для граждан и приказавши не закрывать под этим предлогом городские ворота, он напоил народ допьяна, по уговору предварительно тайно приготовив все к тому, чтобы Митридат явился в тот же самый день. Итак, город оказывается в руках Митридата, в то время как гераклеоты даже не подозревали о его приходе. (5) На следующий день, созвав народ, царь заискивал у него дружественными речами и уговаривал сохранить благосклонность к нему. Он оставил в городе четыре тысячи человек гарнизона и фрурарха Коннакорика под предлогом того, что, если римляне вздумают напасть, они будут защищать город и охранять живущих в нем. Распределив затем среди жителей города, а особенно среди магистратов деньги, он отплыл в Синопу¹.

¹ В отношении Гераклеи Понтийской Митридат был вынужден держаться совершенно иной политики, чем, например, в отношении тех азиатских городов, которые испытали тяжесть римского гнета. Гераклея, бесспорно, с самого начала войны находилась в сфере интересов царя. Это явствует из ее выгодного положения: ведь она могла быть использована в качестве базы для флота. Митридат знал, конечно, о старинных дружественных отношениях Гераклеи и Рима (см. М е т п., 26 и стр. 294, прим. 1), хотя эти отношения к началу Митридатовых войн и испытали известную эволюцию. Гераклеоты, видимо, предпочитали союзу и дружбе нейтралитет; между прочим яркое выражение этого можно видеть в ответе гераклеотов послан Рима и Понта (М е т п., 36). Однако следует подчеркнуть, что гераклеоты не всегда соблюдали свой нейтралитет; примером этого может служить оказание гераклеотами помощи пленникам-хиосцам, которых везли в Понт (М е т п., 33). Данный факт особенно интересен, поскольку он имел место в период успехов Митридата в Азии, и надо полагать, что гераклеоты связывала с хиосцами особая дружба, раз они осмелились на столь опасный и, конечно, могущий вызвать серьезные последствия акт. Митридат в тот период, очевидно, не считал возможным отвлекаться для подчинения Гераклеи. В конце концов Митридат, как видно из М е т п., 38, ограничился тем, что сделал Гераклею базой для понтийского флота, следствием чего явилась враждебность к ней римлян (см. стр. 299, прим. 7). Но по мере того, как действия римлян с приходом Лукулла активизировались, это положение уже не удовлетворяло царя. Соединив хитрость, силу и предательство Ламаха, Митридат захватил город (М е т п., 42), причем все обстоятельства этого

XLIII. Лукулл, Котта и Триарий, стратеги-автократоры римлян, соединившись около Никомерии, стремились вторгнуться в Понт. Когда же им возвестили о взятии Гераклеи, предательство же еще не было известно, они сочли, что отпадение было вызвано желанием всего города. Было решено, что Лукулл пойдет с главными силами через внутренние области в Каппадокию против Митридата и всего его царства, Котта — против Гераклеи, а Триарий, собрав флот в Геллеспонте и Пропонтиде, будет перехватывать на возвратном пути митридатовы корабли, посланные на Крит и в Иберию. (2) Митридат узнал обо всем этом и готовился. Он отправил посольства к царям скифов, к парфянину и к своему зятю Тиграну Армянскому¹. Но все остальные отказали, и лишь Тигран из частных просьб дочери Митридата обещал помочь союзнику. Против Лукулла Митридат послал различных стратегов. Когда произошло сражение, счастье было переменным, в большинстве, однако, преуспевали римляне. (3) Царь пал духом. Он собрал сорок тысяч пехоты и восемь тысяч конницы в добавление к посланным ранее и отправил Диофанта и Таксилла. Когда те подошли к опередившим их частям, враги сначала почти непрерывным обстрелом испытывали силы друг друга. Затем произошли два сражения конницы, в одном из которых победили римляне, а в другом — понтийцы. (4) И пока война велась таким образом, Лукулл высылает в Каппадокию людей, чтобы они доставили оттуда провиант. Таксилл и Диофант узнают об этом и высылают четыре тысячи пехотинцев и две тысячи всадников, чтобы те устроили засады и отняли у возвращающихся провиант. В происшедшей схватке победили римляне. Лукулл послал помощь своим, и бегство варваров стало открытым. (5) Идя по стопам бегущих врагов, войско римлян вышло к лагерю Диофанта и Таксилла. Там началось сильное сражение, понтийцы сопротивлялись недолго. Едва стратеги первыми отступили, все войско дрогнуло. Стратеги сами пришли к Митридату с вестью о поражении; погибло тогда огромное количество варваров.

XLIV². Таким образом, судьба Митридата явно склонилась к несчастью — жены царские были умерщвлены³, а самому царю пришлось тайно от подданных бежать из Кабейр, где он находился. Он оказался бы в плену во время бегства, поскольку его преследовали галаты (хотя они и не знали бегущего в лицо), если бы, встретив мула, нагруженного золотом и серебром из Митридатовых сокровищ, они не задержались за их грабежом. А сам он ускользает в Армению.

XLV. Лукулл выслал против Митридата полководцем Марка Помпея, а сам со всем войском пошел в Кабейры и, осадив город, принудил варваров сдаться по договору и овладел стенами⁴. (2) Отсюда он перешел к Амисе и уговаривал речами жителей сдаться римлянам. Когда он не убедил их, оставив ее, он перенес осаду на Эвпаторию⁵. Он притворился, что осаждает ее небрежно, чтобы вызвать и врагов на такую же небрежность, а

захвата очень напоминают тонко продуманную и прекрасно разыгранную театральную пантомиму. Притом царю настолько удалось убедить гераклеотев, что он их защитит от римлян, что впоследствии, накануне предательской сдачи города Триарию, оставленный здесь начальник понтийского гарнизона Коннакорик смог успокоить волновавшихся граждан напоминанием о союзе Митридата с Тиграном и совершенно голословным указанием, что на помощь осажденному городу идет большое войско (M e m n., 51). Коннакорик, как явствует из его имени, был кельтом; относительно его воинов нельзя сказать ничего определенного.

¹ A p p., Mithr., 78; ср. P l u t., Luc., 22.

² Осень 71 г. до н. э.

³ P l u t., Luc., 18.

⁴ P l u t., Luc., 18.

⁵ A p p., Mithr., 78; P l u t., Luc., 15.

сам был готов в то же время внезапно возбудить в своих войнах воинственный пыл. (3) Это и произошло, и таким образом, благодаря хитрости, город был взят; в то время, как стража, ни о чем подобном не догадываясь, вела себя беззаботно, он приказал воинам взять лестницы и поручил им по лестницам взобраться на стены. Эвпатория таким образом была взята и тотчас же разрушена. Вскоре была взята Амиса благодаря тому, что враги опять-таки по лестницам взобрались на ее стены. Вначале происходило огромное убийство граждан, но потом Лукулл прекратил избиение и возвратил город и область тем, кто успел спастись, и обращался с ними милостиво.

XLVI. Придя к зятю и желая побеседовать с ним, Митридат, однако, не достигнул этого, но получил от него личную охрану¹ и в остальном пользовался гостеприимством. (2) Лукулл отправил к Тиграну послом Аппия Клодия, требуя выдачи Митридата. Тот же не выдал, залившись, что он остерегается порицания от всех людей, если предаст отца своей жены. Он, конечно, сам знает, насколько плох Митридат, однако стыдится родни. (3) Он пишет Лукуллу письмо, содержащее сказанные слова, которое раздражило последнего; ведь он не назвал его императором, упрекая за то, что тот не приветствовал его в письмах царем царей². Здесь кончается пятнадцатая книга «Историй».

ИЗ XVI КНИГИ

XLVII³. Следующая книга «Историй» содержит вот что. Взяв римские войска, Котта двинулся против Гераклеи. Сначала он привел свое войско в Прусиаду (Прусиада же прежде называлась от протекающей мимо нее реки Киером, но царь Вифинии, отняв этот город у гераклеотов, переименовал его по своему имени). Оттуда он спустился к Понтийскому морю и, пройдя приморскую область, расположил свое войско вокруг стен, идущих вниз с вершины горы⁴. (2) Гераклеоты полагались на укрепленность места⁵ и, когда Котта стеснил город осадой, сражались вместе с гарнизоном. Из римского войска многие были убиты, а среди гераклеотов оказалось много раненных метательными орудиями. Поэтому Котта отозвал войско от штурма стен и, разбивши лагерь несколько дальше, обратил все внимание на закрытие для осажденных всех необходимых выходов. Жители города испытывали недостаток в необходимом продовольствии и отправили посольство к своим колонистам (πρεσβεία πρὸς τοὺς ἀποίκους ἐξεπέμπετο), прося продовольственной помощи путем продажи. Послы были хорошо приняты⁶.

¹ App., Mithr., 82.

² Plut., Luc., 19, 2; 21, 7—9; см. Я. А. М а н а н д я н, Тигран Второй и Рим, 1943, стр. 84.

³ В этой и последующих главах описывается осада Гераклеи в 72—70 гг. до н. э.

⁴ План Гераклеи см. Die st, Von Pergamon durch Dindymos nach Pontos, Gotha, 1889.

⁵ См. М е m n., 27—28; Гераклея выдержала успешно осаду Пруссии I и натиск галатов.

⁶ Сравнивая это место с фразой из М е m n., 49: διεπρεσβεῖετο γοῦν πάλιν πρὸς τε τοὺς ἐν Σχυθία Χερρονήσιας καὶ Θεοδοσιανοῦς καὶ τοὺς περὶ τὸν Βόσπορον δυνάστας ὑπὲρ συμμάχιας, следует заключить, что Гераклея в обоих случаях получала помощь от Херсонеса и Феодосии. Имеются данные о дружественных отношениях между гераклеотами и феодосийцами: гераклеоты оказывали Феодосии продовольственную помощь в момент, когда та осаждалась Левконом I (см. Ро l у a e n., V, 9, 4). Гераклея активно сбывала в Феодосию свои вина — там обнаружено много фрагментов гераклеийской клейменной керамики. В нумизматике Феодосии IV в. имеются явные подра-

XLVIII. Незадолго перед *тем* Триарий, командовавший римским флотом, напал из Никомедии на понтийские триеры, которые, как указывалось выше, были посланы на Крит и в Иберию¹. Зная, что остальные ушли в Понт (ибо многие из них пришли в негодность и из-за зимы, и, отчасти, из-за морских сражений), он нападает на них, завязывает битву у Тенедоса. У него было семьдесят триер, в то время как понтийцы привели немного меньше восьмидесяти. (2) Когда началась битва, царские корабли сначала выдерживали *натиск неприятеля*, но затем произошло жестокое поражение их. Таким образом, весь Митридатов флот, который выплыл вместе с ним в Азию, был захвачен.

XLIX. Котта стоял лагерем у Гераклеи, он не осаждал ее пока еще всем войском, но подводил к стенам по частям некоторых из римлян, бросая вперед главным образом вифинов. Поскольку в его войске было много раненых и убитых, он вознамерился применить машины, из которых осажденным казалась наиболее ужасной черепаха. (2) Соединив все свои силы, он подвел их к одной башне, которую, казалось, легко можно было разрушить. Когда же после первого и второго ударов башня не только против ожидания *продолжала держаться*, но у тарана от основного ствола отломилась головная часть, дух гераклеотов поднялся. Котту же это несчастье потрясло, он испугался, что ему никогда не удастся взять город. (3) На следующий день, опять подведя машину и ничего не достигнув, он сжигает приспособление, а делавшим машину отрубает головы. Оставив у стен отряд, он с остальным войском отправился на равнину, называемую Ликейской, так как это место изобиловало всем необходимым. Отсюда он опустошал всю местность вокруг Гераклеи, и граждане оказались в большом затруднении. (4) Поэтому они снова отправили послов к херсонесцам и феодосийцам в Скифию и к династам Боспора, прося союза (διεπρεσβέυετο γοῦν πάλιν πρὸς τὰ τοῦ ἐν Σκυθία Χερρονησίτας καὶ Θεοδοσιανούς καὶ τοὺς περὶ τὸν Βόσπορον δουράστας ὑπὲρ συμμαχίας); и посольство возвратилось с успехом. В то время, как враги теснили город, прибавились не многим меньшие внутренние потрясения. Ведь солдаты гарнизона не были довольны тем, чем жил народ, они произвели избиение граждан и заставили их снабжать их продовольствием, что было для *тех* нелегко. Значительно бесстыднее других солдат был начальствовавший над ними Коннанорик, который не только не препятствовал, но попустительствовал своим подчиненным в совершении насилия. (5) Опустошив всю страну, Котта снова подступает к стенам. Он видит, что его войны очень нерадвы к осаде, и, прекратив штурм, посылает за Триарием, чтобы как можно скорее тот прибыл с триерами и воспрепятствовал снабжению города с моря.

Б. Итак, взявши те корабли, которые были под его командованием, и двадцать родийских кораблей, так что в общей сложности получилось сорок три корабля, Триарий переходит в Понт, сообщив Котте о времени своего прибытия. В тот же день Котта подвел войско к стенам, и стало видно прибытие кораблей Триария. Возмущенные внезапным появлением кораблей, гераклеоты вывели в море тридцать своих, не снабдив их как следует экипажем. Остальных людей они предназначили для защиты города. (2) Гераклеийский флот отправился против подплывающих вражеских кораблей. Родийцы первые произвели нападение на корабли

жания изображениям на гераклеийских монетах той же эпохи. Все эти данные говорят о тесных связях Гераклеи с Феодосией. Эти данные могут служить аргументом при вышеуказанном толковании текста (т. е., что слово *αποικοι* относится не только к Херсонесу, но и к Феодосии), если предположить, что некоторая часть гераклеотов выселилась в Феодосию.

¹ См. М е м н., 43.

из Гераклеи (ведь известно, что по опытности и по храбрости они превосходили остальных), и сейчас же потонули три родийских и пять гераклейских кораблей. Затем вступили в бой и римляне. Испытав много и многое причинив врагу, больше же все-таки принеся вред, они разбили корабли из Гераклеи и заставили их бежать к городу, разбив четырнадцать кораблей. Корабли-победители зашли в большую гавань¹. (3) Когда отозвал пехоту от осады. Корабли Триария по одному выходили из гавани и мешали тем, которые пытались доставить осажденным продовольствие. Город охватила великая нужда, так что цена так называемого хойника пшеницы достигла восьмидесяти аттических монет (Ἀττικῶν)². (4) А сверх других бедствий чума, напавшая на них (или вследствие изменения климата, или из-за необычного рациона пищи), приносила при различных формах страданий различную гибель гражданам. В этих условиях погиб и Ламах, более мучительной и медленной смертью, чем другие. Болезнь захватила в наибольшей степени гарнизон, так что из трех тысяч погибла тысяча. От римлян не скрылось это несчастье.

II. Коннакорик, утомленный несчастьями, решил предать город римлянам и гибелью гераклеотов обеспечить себе спасение. Ему способствовал в этом некий муж-гераклеот, ревнитель замыслов Ламаха, по имени Дамофел, ставший фрурархом в городе после гибели Ламаха. Коннакорик, правда, остерегался Котты, как человека с тяжелым характером и не внушающего доверия, но с Триарием он сговорился. Не менее быстро к ним присоединился и Дамофел. И, приняв условия, благодаря которым они надеялись обогатиться, они стали готовиться к совершению предательства. (2) Окольным путем совершаемое предателями проникло в народ. Город сбежался на экклесию и призвал фрурарха. Прославленный в народе муж Бритагор, подойдя к Коннакорик, рассказал ему, в каких обстоятельствах находится Гераклея и что если ему покажется необходимым, то следует ради общего спасения всех вступить в переговоры с Триарием. В то время, как Бритагор сетовал таким образом на положение города, Коннакорик, встав, отрицал, что нужно заключать подобный договор; он притворялся, что, напротив, имеются большие надежды на освобождение; что ему же известно из писем, что царь хорошо принял своим зятем Тиграмом и что в недалеком будущем отсюда надо ожидать значительную помощь. (3) Таковую комедию разыграл перед ними Коннакорик. Гераклеоты же, убежденные этими речами (ведь всегда выбирают то, что больше нравится), поверили в этот обман, как в истину. Зная, что теперь они обмануты, Коннакорик около полуночи спокойно посадил свое войско на триеры (ведь согласно договору с Триарием отъезд должен был произойти в безопасности и, если кто что приобрел, разрешалось увести с собой) и сам отплыл вместе с ними. Дамофел, открыв ворота, принял ворвавшиеся в город римское войско и Триария. Одни из них врываются через ворота, некоторые же перелезают через стену. (4) И только теперь гераклеоты узнали о предательстве. Одни из граждан сдавались,

¹ До сих пор в бухте города Эргли, расположенного рядом с руинами древней Гераклеи, видны остатки двух больших молов. Один из них сохранился больше в своей подводной части, он тянется на расстоянии около 150 м, начиная от мыса Ахерусия, в юго-западном направлении, а затем поворачивает немного к востоку. Этот мол ограничивал большую гавань. Другой мол, видный и сейчас над уровнем моря, начинался в средней части гераклейской бухты. Он ограничивал малую гавань, которая, повидимому, была связана с акрополем. Южные части обоих молов не сохранились, так как они оказались жертвой наносов рек Лика (Килич-су) и Калета (Алашли). Таким образом, здесь имелась, как и в Сиракузах, двойная гавань. См. L e h m a n n - H a r t l e b e n, Die antiken Hafenanlagen des Mittelmeers, Leipzig, 1923, стр. 130—131.

² Хойник — дневной рацион хлеба для грека — $\frac{1}{48}$ медимна.

другие гибли. Сокровища и имущество разграблялись. Дикая жестокость обрушилась на граждан, так как римляне помнили, сколько они перенесли во время морского сражения и какие беды испытали при осаде. Они не щадили тех, кто сбегался к храмам, но убивали их и у алтарей и у статуй. (5) Поэтому из страха неизбежной смерти многие убегали из стен города и рассеивались по всей стране. Некоторые вынуждены были бежать к Котте. А тот, узнав от них о взятии города и гибели людей и о грабеже добра, воспламенился гневом и быстро пошел к городу. Вместе с ним было раздражено и войско, так как оно было не только лишено славы победы, но и у них теми же людьми были отняты все выгоды ограбления. И они бросились бы в непримиримую битву с соплеменниками и перебили бы друг друга, если бы Триарий не понял их намерения и не умолил Котту и войско многими речами; доказав, что выгода приобретает в согласии, он воспрепятствовал междоусобной войне.

III. Когда стало известно, что Коннакорик захватил Тиос и Амастрию, Котта сейчас же посылает Триария, чтобы тот отнял у него эти города. А сам, захватив тех, кто пришел к нему, и людей, взятых в плен, распорядился в остальном с крайней жестокостью. В поисках денег он даже не побоялся тронуть находящееся в святилищах, но сдвигал статуи и священные изображения, сколь многочисленные, столь и прекрасные в этом городе. Он взял с агоры статую Геракла и его вооружение с пирамиды, которое по роскоши, величию, стройности, изяществу и искусству, с каким оно было сделано, не уступало ничему, что хвалили (2). Там была булава, выкованная молотом, сделанная из чистого золота; на нем была надета большая львиная шкура и колчан из того же материала со стрелами и луком. Множество других прекрасных и удивительных посвящений были взяты из храмов и города и свесены на корабли. И, наконец, он приказал солдатам поджечь город, и он был зажжен во многих частях. Так был взят город, который в течение двух лет выдерживал осаду¹. Триарий между тем прибывает в предназначенные ему города. Он дает Коннакорик (ибо тот намеревался прикрыть предательство Гераклея взятием других городов) возможность безнаказанного отступления и, согласно договору, овладевает этими городами. Совершив все, о чем сказано, Котта посылает пехоту и конницу к Лукуллу, а союзников отпускает на родину². Сам же он отплыл с флотом. Из кораблей те, которые везли добычу из этого города,

¹ Весна 70 г. до н.э. Возникает вопрос, в чем секрет столь длительного сопротивления Гераклею Моммзен (ИР, III, 1941, стр. 55) объясняет это следующим образом: «Упорное сопротивление оказывали лишь города. Правда, немногочисленные города внутренней части страны — Кабира, Амасия, Евпатория, скоро были заняты римлянами, но крупные приморские города, Амас и Синоп в Понте, Амастрида в Пафлагонии, Тиос и Понтийская Гераклея в Вифинии — оборонялись с мужеством отчаяния, отчасти воодушевленные привязанностью к царю и охраняемому им греческому свободному городскому строю, отчасти терроризированные шайками привезенных царем пиратов». Однако это объяснение следует признать неверным. Вся предшествующая история Гераклея объясняет упорство, с каким она выдерживала осаду. Будучи в течение ряда столетий сильным и могущественным городом, Гераклея в период понтийских войн, несмотря на провозглашенный ею нейтралитет (М е м н., 36), стремилась вести самостоятельную политику, и это продолжалось до тех пор, пока она не оказалась добычей Митридата. Но Гераклея не имела привязанности к царю, так как она была вовлечена в орбиту его интересов лишь благодаря обману и насилию (см. стр. 301, прим. 1). Поэтому в течение 72—70 гг. она отстаивала не дело царя, но свою собственную свободу и независимость и, надо полагать, сопротивлялась римлянам не только силами четырехтысячного гарнизона, оставленного Митридатом, но и силами собственных граждан. Об этом свидетельствует факт жестокой расправы римлян с гераклеотами, причинившими им много бед в период осады (М е м н., 51). Если бы город защищался лишь силами гарнизона Коннакорика, вряд ли римляне стали бы так по-варварски разрушать его; разрушение города и порабощение граждан было наказанием за столь длительное сопротивление.

² Союзников-вифинов, см. М е м н., 49.

одни, нагруженные сверх меры, погибли недалеко от берега, другие же, подгоняемые Апарктием, выброшены были на мель, и много из увезенного добра погибло.

ЛIII. Леонишп, которому вместе с Клеохаром¹ была поручена Митридатом Синопя, отчаявшись в *ходе своих* дел, посылает к Лукуллу относительно предательства. Клеохар и Селевк (это был стратег Митридата, равный по положению с упомянутыми *выше*), узнав о предательстве Леонишпа, собрав экклесию, обвинили его. *Граждане*, однако, не поверили; он казался им честным. (2) Сторонники Клеохара ночью из засады убили этого человека, опасаясь расположения к нему со стороны народа. Народ был охвачен гневом. А сторонники Клеохара, получивши власть, стали править тираннически, полагая таким *путем* избежать справедливого суда за убийство Леонишпа. (3) В то же время Цензорин, наварх римлян, везя на пятнадцать триерах лагерю римлян хлеб с Боспора, пристал близ Синопя. Сторонники Клеохара и Селевка, выйдя навстречу *неприятелю* на синопских триерах под командованием Селевка, вступают в сражение. Они побеждают италов и отнимают у них себе в качестве добычи купеческие корабли. (4) Друзья Клеохара возгордились этим успехом и стали еще более тираннически править городом, производя убийства граждан без суда и в остальном будучи очень жестоки. (5) Однако между Клеохаром и Селевком произошли раздоры: первый хотел продолжать войну, а Селевк предлагал уничтожить всех синопцев и предоставить город за большое вознаграждение римлянам. Но ни один из замыслов не получил осуществления, и тайно они отправляли свое имущество, нагрузив его на купеческие корабли, к Махару, сыну Митридата, который был в это время в Колхиде.

ЛIV. В это время Лукулл, полководец римлян, подошел к городу и крепко осадил его. Махар, сын Митридата, отправил к Лукуллу послов о дружбе и союзе. Последний милостиво принял *послов*, заявив, что он будет считать крепким договор, если тот не будет отправлять продовольствие синопцам. И он не только исполнил приказанное, но *даже* и то, что было приготовлено послать митридатовцам, отослал Лукуллу². (2) Видя это и окончательно отчаявшись, сторонники Клеохара нагрузили корабли многочисленными богатствами и, отдав город на разграбление солдатам (все это делалось под покровом ночи), на судах бежали во внутренние области Понта (местности, где обитали санеги и лазы), а оставшиеся корабли сожгли. (3) Когда пламя разгорелось, Лукулл понял, в чем дело, и велел ставить к стене лестницы. Его солдаты стали перелезать через стены; и вначале была великая резня; но из чувства жалости Лукулл прекратил убийства. Таким образом, была взята и Синопя; Амасия же еще сопротивлялась, но вскоре и она перешла на сторону римлян.

LV. Проведя год и восемь месяцев в пределах Армении, Митридат еще ни разу не был представлен Тиграну. Когда же Тигран, устыдившись, допустил его к себе (ἐπεὶ δὲ Τιγράνης ἐδυσωπήθη εἰς θεῶν αὐτὸν καταστροφῆναι), он встретил его с блестящей роскошью и принимал по-царски. В течение трех дней он тайно беседовал с ним, а затем, доказав свое расположение к нему блестящими пирами, дал десять тысяч конницы и отправил в Понт³.

¹ О Клеохаре упоминает Страбон, XII, 545.

² Plut., Luc., 24; App., Mithr., 83.

³ Лето 69 г. до н. э. Ср. Plut., Luc., 22. Ср. Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим, 107. Следует отметить неточность перевода Я. А. Манандяна: в тексте совершенно ясно сказано, что «Тигран, устыдившись, допустил его к себе»; между тем Я. А. Манандян переводит: «И когда Тигран попросил, чтобы Митридат пришел повидаться с ним...»; δυσωπήσασα — «стыдить(ся)» «быть смущенным».

LVI. Лукулл вступил в Каппадокию и, будучи в дружбе с правившим ею Ариобарзаном, вопреки ожиданиям, перешел вброд Евфрат и подвел войско к городу, в котором, *как он* знал, охранялись наложницы Тиграна и множество сокровищ. Одних он оставил для осады Тигранокерт, а другое войско *направил для осады* наиболее значительных пунктов. (2) И *когда*, таким образом, во многих частях Армения подверглась нападению, Тигран послал к Митридату, *призывая его*, а войско *свое* отправил в город, в котором *он* поместил наложниц. Очутившись на месте, войны *с помощью* обстрела закрыли *все* выходы из лагеря римлян и в *течение* ночи отправили из *города* наложниц и наиболее ценные *из* сокровищ. (3) *Когда* же наступил день и римляне вместе с фракийцами храбро бросились *против* врага, произошла большая резня армяниев и не меньшее *число*, чем было убитых, попало в плен. И только то, что было отослано вперед, благополучно прибыло к Тиграну¹.

LVII. Последний, собрав восьмидесятитысячное войско, выступил *с тем*, чтобы вырвать Тигранокерту² из охватывавших ее бедствий и отразить врагов³. Пospешив и видя небольшой лагерь римлян, *он* обратился к ним со спесивыми речами, говоря что если *они* прибыли *как* послы, *то их* пришло слишком много; если же как враги — очень мало. И, сказав это, он разбил *тут же* свой лагерь. (2) Лукулл искусно и старательно подготовился к битве и, воодушевив *своих* подчиненных, тотчас обращает в *бегство* правый фланг, за ним дрогнули ближайшие *ряды*, а потом и *все остальные*⁴. Какая страшная и неудержимая паника охватила армяниев и соответственно *этому* произошла гибель *многих* людей. Возложив на сына диадему и знаки власти, Тигран бежит в одну *из своих* крепостей⁵. Лукулл же пошел к Тигранокертам и *еще* более решительно стал осаждать *их*. Находившиеся в городе стратеги Митридата, отчаявшись *во* всем, передали город Лукуллу ради своего спасения⁶.

LVIII. Придя к Тиграну, Митридат ободрял его. *Он* облачил *его* в царскую одежду, не хуже *той*, которую *тот* носил обычно, и советовал, имея и сам немалую силу, собрать народ, чтобы опять отвоевать победу. Тот же поручил все Митридату, признавая его превосходство в доблести и уме, как обладающему большей силой в войне против римлян. (2) Сам же он отправил послов к парфянину Фрадату *с тем*, что он отдаст ему Месопотамию, Адхабену и Мегалы Авлоны⁷. *Когда* же пришли к парфянину и послы от Лукулла, *он*, с одной *сторонь*, прикинулся, что является другом и союзником римлян, сделав *то же* самое и в *отношении* армяниев.

LIX. Когда, как только прибыл в Рим, был почтен сенатом именем понтийского императора *за то*, что он взял Гераклею. А *когда* в Рим пришла весть, что *он* ради собственных выгод уничтожил столь большой город,

¹ Ср. А р р., Mithr., 85. О ценности сведений Мемнона см. Я. А. М а н а н д я н, Тигран Второй и Рим, 105—106.

² В подлиннике также то множественное, то единственное число.

³ О численности армянских войск ср. P l u t., Luc., 26; А р р., Mithr., 85. По Я. А. М а н а н д я н у, Тигран Второй и Рим, 117, следует отдать предпочтение цифрам, которые сообщают нейтральные малоазиатские авторы, т. е. Мемнон и Флегонт. Ср. P h i l e g., 12 (FHG, III, 606).

⁴ 6 октября 69 г. до н. э.

⁵ О сражении при Тигранокерте см. P l u t., Luc., 27—28; А р р., Mithr., 85. См. Я. А. М а н а н д я н, Тигран Второй и Рим, 112—131.

⁶ Ср. А р р., Mithr., 86; P l u t., Luc., 29. И тот и другой считают, что падение Тигранокерты было обусловлено изменой греческих наемников (Аппиан) или просто греческого населения (Плутарх).

⁷ S t r a b o, XI, 14, 15. О посольстве Тиграна в Парфию см. А р р., Mithr., 87.

народ возненавидел *его*. К тому же он вызвал зависть столь громадным богатством. Из-за этого он, стараясь отразить зависть к своему богатству, многое из добычи внес в казну римлян, однако этим нисколько не сделал их более мягкими, пока они не заставили *его* из многого оставить себе немного. Сейчас же было постановлено и отпустить пленных из Гераклеи. (2) Один из жителей Гераклеи Трасимед обвинил Котту в комитиях и рас- сказал о расположении города к римлянам, добавив, что если в чем-нибудь они отклонились от этого, то это произошло не по желанию города, но или из-за обмана кого-либо из правителей, или из-за насилия противни- ков. Он оплакивал сожжение города и все, что уничтожил огонь. Говорил он и о том, как Котта захватил статуи и сделал их добычей, разграбил храмы и натворил многое другое, придя в ярость; описал он также неисчислимое количество золота и серебра, принадлежавшего городу, и другие богатства Гераклеи, которые тот присвоил. (3) Когда же Трасимед со стоном и слезами сказал это и вызвал сострадание к своему горю у гегемонов¹ (ведь на собрание пришло множество пленных, мужи с женами и детьми, в траурных одеждах, протягивая о плачем моли- твенные ветви), Котта, выйдя навстречу им, произнес несколько слов на родном языке, затем сел. Поднялся Карбон: «Мы, о, Котта,— сказал он,— поручили тебе взять город, а не разорить его». После него и другие таким же образом обвиняли Котту. Многим казалось, что Котта достоин изгнания; однако, умерив свое негодование, они цинчили его сенаторства. Гераклеотам же они возвратили их страну, море и гавани и вынесли закон, что никто из них не должен порабощаться.

LX. Совершив это, Трасимед отправил большинство людей на родину; сам же вместе с Бритагором и Пропилем (Пропил же был сыном Брита- гора), оставшись еще на некоторое время, устроил остальные неотлож- ные дела. Через несколько лет он прибывает в Гераклею с тремя нагру- женными кораблями. Возвратившись же, он всеми средствами пытался вновь заселить город, призывая к возрождению его. (2) Однако, предпри- нимая все, он добился лишь того, что собрались едва восемь тысяч жите- лей вместе с челядью. Бритагор, когда город уже возрос, возымел наде- жду возвратить народу свободу. Так как прошло много лет и власть у римлян уже сосредоточилась в руках одного человека—Гая Юлия Цезаря, он отправился к нему. (3) Вместе с ним в качестве послов явились и неко- торые другие из знати, в том числе и сын его Пропил. Узванный Цезарем, а затем завязав с ним более близкую дружбу, Бритагор получил кое-какие обещания; однако на первый раз он не смог добиться возвращения свободы, так как Гай находился не в Риме, а в других местах. Однако Бритагор не прекратил своих попыток, но сам, и Пропил с ним, ездил с Цезарем по всему свету и старался быть у него на глазах, чтобы, заметив его упорство, император удовлетворил его просьбу. (4) Двенадцать лет длилась эта близость, пока Цезарь не задумал возвратиться в Рим, а Бритагор не умер, изнуренный старостью и постоянными трудами, причинив великую скорбь отечеству. На этом кончается и XVI книга исто- рии Мемнона.

(5) В целом же сочинение это — разумное и напи- санное сжато, но не игнорирующее, конечно, ясности, избегающее отступлений, кроме как если где-либо какая-нибудь необходимость не заставляла автора присоединить к рассказу и нечто, находящееся вне задуманной темы. Однако оно [т. е. сочи- нение] не отклоняется надолго в сторону этого отступ-

¹ В данном случае подразумеваются знатнейшие из римлян.

ления, но, упомянув самое необходимое, быстро снова обращается к положенной с самого начала в основу его мысли. (6) И словами оно [т. е. сочинение] пользуется обычными, хотя кое-где, правда, редко, они и выпадают из стиля. О первых же 8 книгах истории и тех, которые были после шестнадцатой, мы ничего не имеем сказать, так как мы их не видели.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ